

*И. С. Рыбалка,
кандидат филологических наук,
Мариупольский государственный
университет (Украина)*

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ И ВЛАСТИ В РОМАНЕ У. ЭКО «ИМЯ РОЗЫ»

Для известного итальянского писателя и публициста Умберто Эко вопросы авторитета, истинности и первичности являются одними из приоритетных: так или иначе они поднимаются в его теоретических, художественных и публицистических произведениях. Так, в первой книге писателя «Открытое произведение» (1962) речь идет об авторитете автора и истинности интерпретаций его произведений, «Роль читателя» (1970) посвящена поиску абсолютного авторитета, который бы определил критерии истинности понимания художественного текста, «Средние века уже начались» (1994) – поиску истины в современном обществе. Роман «Имя розы», принесший мировую известность У. Эко, не является исключением. В статье представлен анализ темы власти и поиска истины в этом романе.

Одно из ведущих мест в романе У. Эко «Имя розы» отведено теме ереси. Непосредственный повод для раскрытия данной темы автор находит в растущем недоумении помощника главного героя Вильгельма Бакскервильского, Адсона, который пытается найти критерии для определения истинности. Постепенно втягиваясь в жизнь аббатства и в круг проблем, которыми жили монахи, Адсон проявляет все больший интерес к ереси, явлению, с внешней стороны ему хорошо знакомому.

Свое любопытство он надеется удовлетворить в беседе с Сальватором. В жизни этого монаха много лет скитаний, в течение которых он сменил несколько различных сект. Но и, казалось бы, опытный Сальватор бессилен помочь Адсону в главном, в том, как отличить в этой массе настоящих праведников от хитроумных спекулянтов.

Итак, разговор с Сальватором мало чем помогает Адсону: «Как я понял из слов Сальватора и как я сам знал из собственного предыдущего опыта, нечего было искать здесь точных и ясных дистинкций. Все оказалось подобным всему» [с. 231]*. Подчеркнем, что главная проблема Адсона – это проблема различения. Как

* Здесь и далее цитируется роман У. Эко «Имя розы» (пер. с итал., предисл. и глоссарий М. И. Прокопович. – М.: Фолио, 2006. – 575 с.).

отличить одну ересь от другой и, наконец, ересь от истинного учения? За ответом Адсон обращается к своему учителю, приезд которого в аббатство объясняется его участием в богословском диспуте по вопросу, в очередной раз расколовшему церковную общину, – об отношении Христа к имуществу. В разделе «Час девятый третьего дня» Вильгельм произносит пространную ученую речь, объясняя молодому послушнику суть церковных разногласий как таковых. Интересный религиозно-философский экскурс в историю и философию ереси, сделанный высокоэрудированным францисканцем, на первый взгляд, ничем иным, как таковым экскурсом, и не является. Но непрерывная история появления и подавления ересей излагается Вильгельмом не отстраненно. В ее основу он кладет борьбу за властную монополию в пределах церкви.

Вильгельм развивает сравнение с прокаженными, вытолкнутыми прочь из стада: все эти люди тем надежнее готовы воспринимать – а по возможности и провозглашать – любую проповедь, которая, словесно призывая соблюдать заповеди Христа, на деле была бы направлена не на восхваление Христа, а на позор псам и пастырям, которым церковь обещала бы неизбежное и суровое наказание. Что-то, а это поводыри человеческих стад понимали всегда. Они понимали, что снова впустить отверженных в стадо означало бы ущемить себя, ограничить собственные права. Поэтому те изгои, которые начинали осознавать, что они изгои, неминуемо получали клеймо еретика, независимо от их учения» [с. 246].

Итак, по теории Вильгельма, появлению ереси предшествует вытеснение из паствы некоторого количества обездоленных. А самому этому вытеснению предшествует борьба за власть. Адсону, который ищет верный критерий отличия истинной веры и ереси, Вильгельм предлагает универсальную «отмычку»: все дело в борьбе за власть. Нет никакого верного критерия, никакого «пракода», как сказал бы сам У. Эко, то есть никакого устойчивого интеллектуального образца, который служил бы критерием различения разных толкований Божественного участия в мире.

Один из основных для теологического фабульного плана моментов рассказа содержит описание полемики между сторонниками доктрины о бедности Христа и ее противниками. Аргументы Убертина, ученого-богослова из Парижа, сводятся к различению владения и пользования.

Аргументы его противника, доктора теологии из Парижа, также многочисленны и весомы: «...очевидно, что и касательно благ, как, например, хлеб и рыба, невозможно говорить о временном их

использовании, а только об окончательном потреблении, и все, чем сообща пользовались основатели первобытной церкви <...> всем этим они владели, исходя из того же отношения к собственности, которого придерживались и до обращения апостола и после сошествия Святого Духа продолжали владеть земельными поместьями в Иудее, и обещание жизни без собственности не распространяется на те вещи, которые для жизни естественно необходимы, и когда Петр заявляет, будто оставил все, он не подразумевает материальную собственность» [с. 252–254].

Дискуссия святых отцов выливается в драку. Смущенный Адсон обращается к учителю за разъяснениями: «А что, нет лучших аргументов <...> чтобы доказать или опровергнуть бедность Христа?»

«Но ее с равным успехом можно и доказать, и опровергнуть, милый мой Адсон, – отвечал Вильгельм, – поскольку совершенно невозможно установить из текстов Евангелий, что считал Христос своей собственностью и если считал, то в какой степени ту тунику, которую носил на себе, а износив, вероятно, выбрасывал.<...> Мы говорим: ничем не владеем и всем пользуемся. Он сказал: считайте, что владеете всем. Но только ради того, что, если кому-то понадобится то, чем вы владеете, вы дадите это ему – и не на ваше усмотрение, а по долгу. Однако вопрос не в том, был ли Христос беден, а в том, должна ли бедной быть церковь. А бедность для церкви не значит владеть ей каким-либо дворцом или нет. Вопрос в другом: вправе ли она диктовать свою волю земным владыкам?». «Так вот почему, – сказал я, – император так поддерживает рассуждения миноритов о бедности?» [с. 254–255]. «Конечно», – отвечает Вильгельм. Следовательно, и это расхождение порождено борьбой за власть. Только если в случае ереси речь шла о борьбе между церковниками, то в данном случае затронуты интересы церковной и светской власти.

Тема власти снова звучит в рассуждении аббата о силе драгоценных камней: «Язык драгоценностей многослойный, каждый из них отражает не одну, а несколько истин, в зависимости от выбранного направления чтения, в зависимости от контекста, в котором они представляются. А кто указывает, какой необходимо выбрать уровень толкования и какой нужно учитывать контекст? Ответ тебе известен, мальчик, мы с тобой это проходили. Указывают управляющие! Власть – наиболее уверенный толкователь, наделенный высшим авторитетом, а следовательно, и святостью» [с. 559].

Этот фрагмент представляет особый интерес: в монологе аббата

мотив власти напрямую связан с мотивом интерпретации – овладения смыслом. Так постепенно сближаются мотивы борьбы за власть (как фабульная архитема романа) и борьбы за смысл (как содержание восприятия повествования). Анализ обстоятельств этого сближения представляет для нас главный интерес.

В одном из последних монологов Хорхе снова обнаруживаем указание на конкретную связь между мотивом власти и мотивом интерпретации (так еще можно обозначить мотив овладения содержанием). Хорхе настоятельно подчеркивает беспочвенность ереси Дольчино как таковой, как чистой пропаганды насилия.

Для Хорхе важен факт невоплощенности ереси в материальном носителе – книге. Само существование книги представляет для него главную опасность – распространение ложного учения; это приведет к разрушению установленного порядка. Авторское понимание проблемы истинности, вложенное в уста слепого монаха, и угрозы, которую таят в себе авторитеты, нами видится аллюзией на современное общество, в котором власть так или иначе распространяет собственную истину, прибегая к помощи средств массовой информации. Современные масс-медиа превратились в мощный инструмент в представлении истины и борьбе за нее. Современный человек, как молодой послушник Адсон из средневекового монастыря, оказывается на информационном перепутье в поисках единой истины.